

В.Л.Хейфец

Компартия Мексики в поисках единого фронта в 1920-е годы

В данной статье на базе большого количества архивных документов и материалов СМИ анализируются попытки Коммунистической партии Мексики выстроить единый фронт внутри левого движения в первой половине 1920-х годов. Автор показывает непоследовательность позиции коммунистов и выявляет как внешние (воздействие Коминтерна), так и внутренние факторы, обусловившие эволюцию подходов коммунистов к единому фронту и изменение отношения компартии к правительству страны.

Ключевые слова: Мексика, Коминтерн, Единый фронт, КРОМ, Коммунистическая партия.

С момента победы «революции Агуа Приета» — переворота в апреле 1920 г., приведшего к гибели президента Венустиано Каррансы (1917—1920), — и триумфальной победы Альваро Обрегона (1920—1924) в Мексике установился новый политический режим. Роль политических партий в законодательном процессе была сведена к минимуму, однако сложившаяся система отношений внутри элит давала потенциальную возможность добиваться реализации пунктов своей программы посредством личных связей внутри правительственных структур. Это не могло не усиливать как поддержку действующей власти со стороны реформистского профсоюза Мексиканская региональная рабочая конфедерация (Confederación Regional Obrera Mexicana, CROM), умело пользовавшегося своими договоренностями с Альваро Обрегоном и его соратником Плутарко Элиасом Кальесом, так и высокую степень недоверия подавляющей части левого движения к тому, что выборы приведут к улучшению жизни рабочих и крестьянских слоев населения.

Коммунисты и большинство других левых групп не успели вовремя встроиться в конфигурацию сил, изменившуюся в 1920 г., и это препятствовало формированию их готовности участвовать в выборах, в то время как CROM и ее политическое крыло — Лабористская партия (Partido Laborista, PL) — успешно находили общий язык с правительствами «революционного каудильизма».

Хейфец Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (jeifets@gmail.com).

А.Обрегон, полагавший, что разработка государством более прогрессивного трудового законодательства, четко гарантировавшего права наемных трудящихся и предпринимателей, станет лучшим методом решения социальных вопросов, предпринял конкретные шаги в этом направлении и влиял на другие институты общества. Активнее стали функционировать согласительные-арбитражные хунты, которые периодически выносили решения в пользу рабочих. Представители CROM и Национальной аграристской партии (Partido Nacional Agrarista, PNA) получили возможность избираться в парламент и добиваться положительных изменений для стоящих за ними социальных групп.

В начале 1920-х годов численность CROM увеличивалась быстрыми темпами. Антиреформистская же пропаганда Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, РСМ) велась с явной переоценкой уровня революционности масс. Коммунисты недооценили популярность лозунгов борьбы за ближайшие цели среди рабочих. РСМ никак не удалось выйти за рамки радикально левой секты*. Дальнейший отказ коммунистов от участия в электоральных процессах мог повлечь за собой еще большее размывание социальной базы партии. Но для ведения собственной избирательной кампании у РСМ не было ни кадров, ни финансов, ни четкого представления о том, какие положения программы могут быть выдвинуты в качестве предвыборных требований. Наконец, решившись на участие в выборах, партия теряла одно из своих отличий от умеренного сектора рабочего движения — революционный отказ от любого тождества с государственной машиной.

НАЧАЛО ПОВОРОТА В ТАКТИКЕ РСМ

Антипарламентаризм РСМ противоречил действовавшей с 1921 г. тактике Коминтерна, признавшего спад революционной волны в Европе. Третий всемирный конгресс объявил отказ от тактики фронтального наступления на буржуазную систему, «переход от штурма к осаде»¹. Полагая, что капиталистическая система стабилизируется, большевистские руководители сочли возможным мирное сосуществование двух социальных систем. Подобная интерпретация ситуации влекла за собой подталкивание компартий к сотрудничеству с социал-демократией и националистами с целью завоевания позиций для коммунистов в массовых движениях и правительствах, а также революционизирования рабочих косвенным путем. Политика «единого фронта» требовала решительного осуждения позиций ультра-революционной левизны и включения в массовую работу в реформистских профсоюзах и буржуазных парламентах. Конкретная реализация общеконинтерновской линии отдавалась на откуп эмиссарам всемирной компартии и во многом зависела от адекватного понимания ими обстановки².

Этот поворот к новой политике совпал по времени с очередным кризисом внутри РСМ. В 1922 г. было разгромлено движение квартиронанима-

* В начале 1920-х годов РСМ насчитывала лишь несколько сотен членов, а ее связям с рабочим движением серьезно повредил разрыв между коммунистами и анархо-синдикалистами. Ликвидация движения квартиронанимателей в 1922—1923 гг. практически завершила разгром партии.

телей* в порту Веракрус. Партийные лидеры провели ряд встреч с руководством CROM для выяснения возможностей формирования нового альянса с целью его оживления, тем не менее партия вновь оказалась в изоляции от масс. В то же время организация движения квартиросъемщиков показала способность партийных активистов развивать работу в масштабе целых штатов и выдвигать конкретные требования, которые на определенном этапе могли превратиться в предвыборную программу. Коммунисты установили связи с новым социальным сектором — радикально настроенной интеллигенцией. Созданный известным художником Диего Риверой профсоюз революционных работников техники, живописцев и скульпторов (Sindicato de Obreros Técnicos, Pintores, Escultores y Grabadores Revolucionarios de México) начал сотрудничать с РСМ. Художники-муралисты вошли в руководство партии и превратились в движущую силу новой партийной газеты «El Machete», первый номер которой вышел 13 марта 1924 г.³ Коллективное руководство издания состояло из Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса и Хавьера Герреро⁴. В работе редакции принимали активное участие американско-мексиканский коммунист Бертрам Д. Вольф⁵ и профессор Национального университета, марксист немецкого происхождения Альфонсо Гольдшмидт⁶. В первом же номере был опубликован манифест РСМ «К рабоче-крестьянскому правительству», но исключительно пролетарским изданием «El Machete» в тот момент не являлось.

Пересмотр тактики электорального бойкота стал важнейшим решением II Национального конгресса РСМ (апрель 1923 г.). Тезисы Коминтерна об участии в выборах зачитал в «напряженно враждебной тишине» генеральный секретарь РСМ Мануэль Диас Рамирес. Дискуссии продолжались на протяжении двух заседаний, и только вмешательство руководителя коммунистической молодежи Рафаэля Каррильо склонило чашу весов в пользу точки зрения о необходимости частичного отказа от абсентеизма. Для значительной части членов партии принятие новой тактики оказалось чисто формальным. Так, в Веракрусе, где РСМ располагала сильной организацией, сопротивление идее участия в выборах было особенно сильным⁷.

После съезда в РСМ началась дискуссия о политике, которую следовало проводить во время президентских выборов 1924 г. Коммунисты делали вывод о состоявшемся «экономическом и политическом завоевании» их страны США и полагали, что в Мексике наличествуют только настроенная на альянс с империализмом крупная буржуазия и мелкая буржуазия. Логическим продолжением этой теоретической схемы оказывалась убежденность в том, что мелкобуржуазное правительство отступает под натиском империализма США.

Между тем, идя на определенные компромиссы и уступки в отношениях с США, правительство Обрегона не отбрасывало в сторону свои фундаментальные программные принципы, аккуратно стараясь избежать лобового столкновения с империализмом северного соседа и не допустить интервенции. Ставка коммунистов на фронтальное противодействие правящему режиму, который, безусловно, не был реакционным и опирался на значи-

* Массовое движение (центрами которого были порт Веракрус и г. Мехико) в защиту прав арендаторов и за регулирование жилищного рынка. Активную роль в движении играли анархисты и коммунисты. Движение было подавлено властями в 1922 г.

тельную часть крестьян и организованного рабочего класса, руководимого реформистской CROM, не могла не оказаться бесперспективной.

Находясь в решительной оппозиции Обрегону, руководство РСМ в целом было готово поддержать кандидатуру его «наследника» — генерала П.Элиаса Кальеса — однако при условии, что он примет программу, которую разработает форум рабочих и крестьянских организаций. Компартия требовала распределения среди крестьян земли, водных источников, оказания помощи селу сельскохозяйственным инвентарем, семенами и кредитами, регламентирования ст. 123 конституции (провозглашавшей ряд гарантий для трудящихся) и уточнения жилищного законодательства⁸. Обращение РСМ содержало не только общие требования, но и указывало на конкретные сферы их выполнения: предоставление земли индейским общинам в местах их компактного проживания для обеспечения экономического развития без одновременного уничтожения самобытной культуры. Тем самым партия сделала первый шаг в направлении становления в качестве действительно национальной революционной силы. Шаг этот оказывался бессмысленным, поскольку не сопровождался разработкой продуманной стратегии, которую партия могла бы последовательно пытаться воплотить в жизнь.

17 сентября М.Диас Рамирес проинформировал в неофициальном порядке члена Исполкома Коминтерна от Южной Америки «А.Штирнера» (Эдгара Воога) о согласии Элиаса Кальеса с программой и о готовности «помочь в проведении форума рабочих и крестьянских организаций»⁹. Однако до окончательного одобрения поддержки генерала еще было далеко. Внутри РСМ существовали разногласия по поводу поддержки потенциальных кандидатов: Диего Ривера занял прокальистскую позицию, члены ЦК Хосе Аллен и Рафаэль Маллен стремились максимально дистанцироваться от любого из кандидатов. Партийный манифест, опубликованный 9 сентября 1923 г., оказался компромиссным. В нем указывалось, что подлинно народным кандидатом может считаться лишь тот, кто будет последовательно защищать интересы рабочих и крестьян, а поддержат коммунисты лишь того, в чью пользу выскажется большинство трудящихся¹⁰.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КОМИНТЕРНА: «ПАРТИЯ ДОЛЖНА ПОДДЕРЖАТЬ КАЛЬЕСА...»

В этот момент под влиянием Коминтерна РСМ была вынуждена начать окончательный пересмотр своей антиэлекторальной позиции. Письмо, направленное 23 августа Исполнительным комитетом Коммунистического интернационала (ИККИ) Исполкому РСМ, стало фактически результатом первого подробного и публичного обсуждения мексиканского вопроса в Коминтерне. От РСМ требовалось разработать «конкретные директивы» по парламентской работе, инициировать обсуждение по поводу позиции будущих представителей партии в парламентах и муниципалитетах по всем вопросам, стоящим в повестке дня данных органов власти и самоуправления¹¹. При этом явно сохранялось противоречие, преследовавшее политику «единого фронта» III Интернационала: дискуссия по конкретным вопросам «с революционной точки зрения» должна была потенциально привести к росту влияния коммунистов на конкретные социальные группы. В то же время парламентская деятельность оставалась для Коминтерна не борьбой

за реформы, а борьбой «против социального порядка капитализма», за «разрушение парламента для замены его органами пролетарской власти».

Элиаса Кальеса в Коминтерне считали «самым влиятельным представителем» «профсоюзной и крестьянской бюрократии», настроенным радикальнее и существенно левее Обрегона. Предвидя неминуемое «банкротство» лабористского правительства и его «компрометацию» в глазах населения, Коминтерн предполагал, что следующим этапом развития событий будет выход на сцену реакции, готовой покончить с конституцией 1917 г. Прогнозируя, что подавляющее большинство рабочих и крестьян поддержат Элиаса Кальеса на президентских выборах, III Интернационал четко указывал мексиканским коммунистам: партия «не может оставаться в стороне и смотреть», а должна «бороться вместе с массами». При этом Элиас Кальес, равно как социалистический губернатор Юкатана Фелипе Каррильо Пуэрто, представлялись руководству Коминтерна «керенскими, эбертами, носке и шейдеманами Мексики», которые будут готовы подавить оппозиционные профсоюзы и не остановятся перед «массовыми убийствами коммунистов прямо на улицах»¹².

Параллельно Москва ставила перед РСМ задачу требовать от Элиаса Кальеса введения мер против разоружения крестьян, защиты забастовщиков, четкой регламентации статей 27 (устанавливавшей, что земля и недра не могут принадлежать иностранцам) и 123, мер по разрешению жилищного кризиса, распределения крупной земельной собственности без компенсации собственникам, постановки вопроса о рабоче-крестьянском правительстве как о коалиции рабочих, крестьян и служащих, в котором «мелкая буржуазия используется против всех реакционных партий и против крупной буржуазии»¹³. В сельской местности ставку предполагалось делать на получение мест в муниципалитетах и исполнительных комитетах, проводивших практические мероприятия по осуществлению аграрных реформ. В городах предполагалось добиваться избрания коммунистов в муниципалитеты-аюнтаментос, в хунты примирения и арбитража, представления предложений по регламентации 123 статьи конституции и отказа от компромисса с PL.

Требуя отказа от антипарламентаризма, Коминтерн несколько не увязывал это с деятельностью будущих представителей партии в органах законодательной власти, делая ставку на агитацию в партийной печати, уличные митинги, фабричные и профсоюзные собрания. Эта двойственная позиция в отношении парламентов не могла не привести к серьезным противоречиям в будущем. Наконец, РСМ была не в состоянии претворить большую часть директив ИККИ в жизнь по причине своей малочисленности и незначительности присутствия в профсоюзном движении.

Руководство компартии (за исключением генерального секретаря Диаса Рамиреса) проголосовало против публикации документа. При этом уже в сентябрьском манифесте РСМ заявила, что уклонение от голосования станет поддержкой буржуазии и предательством классовых и национальных интересов во имя анархистских идеалов. Это было явно не той реакцией, которой ожидали в Москве: главным врагом РСМ провозгласила не реформистов, а анархистов. В ноябре того же года письмо было опубликовано Рабочей партией Америки (Workers Party of America, WPA) под названием «Стратегия коммунистов»¹⁴. Хотя в предисловии лидер WPA Чарльз Рутенберг и пояснял появление англоязычного издания тем, что в докумен-

те очерчены направления стратегии коммунистов во всем мире, было ясно — публикацией открытого письма в США Коминтерн ставил РСМ перед дилеммой: согласиться с решениями, принятыми в Москве, или столкнуться с риском дисциплинарных санкций.

Под давлением из Москвы и Чикаго РСМ пошла существенно дальше, чем то, на что рассчитывали в штаб-квартире Коминтерна, ударившись в другую крайность. РСМ оптимистично оценила прогрессивный и революционный потенциал Элиаса Кальеса, позиционировавшего себя «рабочим кандидатом» и не скрывавшего своих связей с профсоюзами (преимущественно с CROM¹⁵). РСМ пришла к выводу, что под влиянием подъема народного движения стали весьма вероятны «левый поворот» в политике обрегонского правительства и возможность сближения его с трудящимися, но никаких фактов, подтверждающих этот теоретический посыл, не приводилось¹⁶.

В декабре 1923 г. военный мятеж, начатый бывшим соратником Обрегона и Элиаса Кальеса Адольфо де ла Уэртой, вынудил мексиканских коммунистов определить свою позицию в отношении государства в момент критической ситуации, в которой оказалось федеральное правительство. Деллауртистская «революция» совершенно определенно была направлена против желания Обрегона сделать Элиаса Кальеса президентом и активно использовала обвинения президента в нарушении демократии.

О неприемлемости и Элиаса Кальеса, и де ла Уэрты заявила Всеобщая конфедерация трудящихся (Confederación General de Trabajadores, CGT). Часть профсоюзов железнодорожников поддержала де ла Уэрту, как и Красная социалистическая партия большинства (Partido Socialista Fronterizo de Mayoría), объединившая ряд активистов левого крыла синдикалистов. РСМ оказалась перед необходимостью сделать нелегкий выбор. Ряд местных организаций и партийных лидеров склонялись к поддержке де ла Уэрты, который делал партии определенные «предложения»¹⁷. Якобы речь шла о денежной субсидии, направленной Диасу Рамиресу, полагавшему, что вероятные победители из лагеря де ла Уэрты могли быть радикализованы при условии поддержки со стороны рабочего движения¹⁸. В этом случае коммунисты могли попробовать повторить маневр, осуществленный CROM, поддержавшей в 1920 г. обрегонистское движение и усилившей свое влияние после его триумфа. На сторону Элиаса Кальеса компартия встала лишь после того, как стало ясно, что в одном регионе за другим массовые рабочие организации высказываются в поддержку обрегонского кандидата.

Лагерь мятежников оказался весьма неоднородным: в нем были как лица, принадлежавшие к «левой» части революционной элиты, так и консервативные и реакционные элементы, в штыки воспринимавшие любые попытки аграрных реформ и деятельность профсоюзов. Фактически мятеж стал попыткой реванша реакционной части мексиканской правящей элиты. Развязанные против активистов крестьянского и рабочего движения репрессии развеяли иллюзии многих по поводу способности лидера мятежа руководить своими сторонниками и эффективно контролировать их.

Федеральное правительство апеллировало к народу и пошло на раздачу оружия части профсоюзов и крестьянских организаций. Столь радикальная перемена внутривнутриполитической ситуации, поставившая РСМ и рабочее движение в целом перед необходимостью физического выживания, стала фактором, повлиявшим на более благожелательное восприятие компартий

директив, содержащихся в открытом письме ИККИ¹⁹. Часть местных активистов стала на сторону властей, не дожидаясь официального партийного решения, и участвовала в организации партизанских отрядов. РСМ оказалась по одну сторону баррикад с CROM, сформировавшей специальные рабочие батальоны для защиты правительства, и оптимистически полагала, что в условиях сложившегося «единого фронта организаций трудящихся города и деревни и сохранения ими оружия» могла появиться возможность формирования рабоче-крестьянского правительства путем включения в состав кабинета Обрегона «подлинных представителей народа»²⁰. Разъяснения своей позиции РСМ дала в американской коммунистической прессе, охарактеризовав делауэртистское выступление как «контрреволюционное восстание против реформистского радикализма Кальеса» и как «фашистский мятеж», что не могло не определить выбор партии²¹.

То, что после коротких (хотя и бурных) дискуссий, центральное руководство РСМ приняло решение встать на сторону правительства Обрегона и принять участие в вооруженной борьбе в его защиту, а также то, что коммунисты в Мичоакане и Веракрусе активно взялись за оружие, сражаясь с мятежниками, дало Национальному исполкому РСМ основание считать, что в ходе выборов у них также есть возможность превратить обретенный авторитет среди части масс в электоральные дивиденды. В течение первых месяцев после разгрома мятежа лидеры компартии провели ряд встреч с руководством CROM для выяснения возможностей формирования нового альянса с целью оживления движения квартиронанимателей.

Осознавая, что значительная часть активистов находится в оппозиции «правому повороту», 20 февраля 1924 г. руководство партии опубликовало манифест, ужесточивший позицию по отношению к Элиасу Кальесу²². Одновременно партия подвергла Обрегону резкой критике за доверие «реакционным генералам», которых оставили командовать дивизиями, за политику разоружения крестьян. Исходя из того факта, что РСМ оказалась по одну сторону баррикад с PNA и CROM в защите правительства от делауэртистов, коммунисты иллюзорно полагали, что эти две организации полевели, а доказательства предположений находили в случайных и поверхностных признаках. Коммунисты явно не замечали того, что аграристы и лабористы не только не стремились к объединению с РСМ, но и были готовы уничтожить ее, как только представится подходящий случай. На уровне внутренней переписки часть руководства была более осторожна и рекомендовала своим сторонникам не выступать в роли «коммунистов-кальесистов»: «Если есть возможность сохранить оружие для *защиты* или чего-то подобного, надо использовать ее, всегда добиваясь возможности вооружить как можно большее количество трудящихся. Но мы все время должны избегать того, чтобы предстать в качестве безусловных сторонников правительства; прежде всего у нас есть долг коммунистов критиковать все действия правительства, которые мы сочтем противоречащими интересам нашего класса»²³.

В целом же РСМ с энтузиазмом окунулась в электоральную кампанию, представляя Элиаса Кальеса человеком из народа и кандидатом рабочего движения, социалистом, поддержанным большинством рабочих и крестьян. Свои консультации с кандидатом РСМ поспешила назвать переговорами, а благосклонное отношение Элиаса Кальеса к условиям для поддержки его на выборах, выдвинутым партией, коммунисты сочли согласием кандидата с партийной

программой, переданной ему Д.Риверой в присутствии лидеров CROM и PNA²⁴. Между тем позиция Элиаса Кальеса была довольно четкой: «...порывистые течения необходимо вести, находить русло, которое их бы дисциплинировало и сдерживало, превращая их из агентов разрушения в полезные и неагрессивные элементы»²⁵. Кальизм предлагал коммунистам политическое пространство в своих рядах, выдвигая единственное условие: быть «полезными и неагрессивными».

Во второй половине июня «El Machete» утверждала, что Элиас Кальес «будет трактовать ст. 27 и 123 конституции в благоприятном для рабочих и крестьян смысле»²⁶. Лишь в конце 1924 г., т.е. в тот момент, когда новый президент формировал правительство, партия несколько ужесточила свое отношение к главе государства, объявив состав нового правительства «первым предательством национального пролетариата»²⁷. Американский коммунист Чарльз Филлипс («Мануэль Гомес»), выступивший на страницах коммунистической прессы США, приписал новому президенту изменение позиции: «Пятнадцать месяцев назад Кальес означал защиту мексиканских трудящихся масс от клерикального и иностранного господства, сегодня он означает правительственное угнетение, компромисс с внутренними и иностранными врагами и постоянные страдания крестьян»²⁸.

Определенные подвижки в прокальистской позиции РСМ произошли после возвращения из Москвы делегата партии на V конгресс Коминтерна Б.Д.Вольфа. Форум Интернационала внес коррективы в лозунги «единого фронта» и «рабоче-крестьянского правительства», разработанные на III и IV конгрессах всемирной компартии. «Единый фронт», по словам председателя Коминтерна Григория Зиновьева, становился лишь «способом агитации и мобилизации масс», а «рабоче-крестьянское» правительство — синонимом «диктатуры пролетариата». Менялось содержание лозунгов; теперь говорилось о формировании «единого фронта снизу» против реформистского руководства. И хотя основным приложением данного тезиса оказывалась профсоюзная сфера, это не могло не отразиться на позиции партии в отношении правительства в целом²⁹. Было бы, однако, ошибочным расценивать новый постепенный поворот РСМ влево как действие, предпринятое исключительно под воздействием III Интернационала. CROM и PNA как общенациональные структуры успешно конкурировали с коммунистами в деле завоевания авторитета в рядах рабочего и крестьянского движения, а маргинализация партии в профсоюзном движении лишь усилила изначально имевшееся у ряда активистов РСМ недоверие к прокальистской позиции.

Попытки коммунистов создать единый фронт были успешно нейтрализованы действиями CROM, саботировавшей организационно-пропагандистскую работу коммунистов среди железнодорожников. Так что, когда в 1925 г. Коминтерн квалифицировал социал-демократов как левое крыло капитализма, эта формула рассматривалась мексиканской секцией всемирной компартии как вполне соответствующая их национальной действительности. Неудачный опыт взаимодействия с CROM привел коммунистов к выводу, что они ошиблись, начав диалог с лидером профцентра Луисом Наполеоном Моронесом и президентом Плутарко Элиасом Кальесом. РСМ оставалось лишь найти предлог для разрыва. На заявления президента во время встречи с американскими банкирами о том, что идеалы мексиканской революции не будут препятствовать развитию экономики, «El Machete» ответила резкой статьей «Кальес

сбросил маску», обвинив главу государства в отказе от социализма³⁰. В целом президент продолжил ту же самую линию, которой он придерживался во время электоральной кампании. Компартия же изменила оценку своих возможностей внутри проправительственного альянса.

Заметно сократившиеся темпы проведения аграрной реформы не могли не вызвать недовольства радикального крестьянского движения и РСМ. Абсолютно неприемлемой для них в целом была практиковавшаяся кабинетом Элиаса Кальеса политика объявления забастовок «незаконными» по решению исполнительной власти. Коммунисты были весьма раздражены тем, что правительство регулярно применяет силу для разоружения крестьян, что лишало тех возможности отстаивать полученные от правительства же земельные участки. Дополнительной причиной трений в отношениях с правительством (которое президент поспешил назвать «лабористским») продолжали оставаться сохранившиеся и укрепившиеся союзнические связи между Элиасом Кальесом и CROM. Если Обрегон балансировал между PNA и CROM, то его преемник откровенно сделал ставку на последнюю, отдав ее представителям ряд постов в исполнительной власти. Существенно возросло представительство PL в выборных органах на всех уровнях.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ РСМ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Реализация политики «единого фронта» в рабочем движении проходила для мексиканских левых весьма непросто. Главной причиной этого была их изоляция внутри профсоюзов с момента разрыва с CGT и ввиду крайне тяжелых отношений с CROM, приводивших к исключению коммунистов из контролировавшихся реформистами рабочих объединений под предлогом «борьбы с рукой Москвы». В августе 1923 г. РСМ установила контакты с профсоюзом сапожников Федерального округа, покинувшим CROM, надеясь на его базе организовать национальную ассамблею комитетов за создание единого фронта. Этот проект, однако, не вызвал одобрения в рабочем движении. По признанию самой РСМ, влияние партии «за исключением профсоюзов квартирнанимателей и крестьян было нулевым»³¹, и это при активном росте рабочего движения на протяжении 1923 г. На V съезде CROM в Гвадалахаре в 1923 г. не оказалось ни одного коммуниста.

Компартия взяла курс на проникновение в рабочее движение, невзирая на доминирование в нем реформистов и анархистов. С целью развертывания единого фронта РСМ побуждала немногочисленные рабочие объединения, где ей удалось обрести хоть какое-то влияние, присоединяться к CROM, дабы впоследствии иметь возможность вести дискуссии по ключевым вопросам внутри реформистского профцентра и выстраивать единый фронт уже не с лаборатористами, а против их руководства. В рядах Региональной конфедерации оказались профсоюз плотников, генеральным секретарем которого являлся коммунист Хесус Берналь (позднее он был делегатом конгресса CROM), профсоюз редакторов прессы и Федерация работников графических искусств (их представителем на конгрессе CROM стал Вольф)³², крестьянские профсоюзы Мичоакана (направившие на форум реформистского профцентра своего делегата — коммуниста Альфонсо Соррия). Однако сразу же проявились две прежние тенденции — нежелание

CROM создавать альянс с компартией и явная переоценка коммунистами своих сил: «Наши силы внутри CROM растут уже до такой степени, что против нас начата новая кампания исключений»³³. Действительно, предпринимались попытки исключения из рядов профсоюзов Бернала и Вольфа, а также коммунистов Карлоса Бесерры (профсоюз металлургов в Федеральном округе) и Очоа (профсоюз фабричных рабочих). В январе 1925 г. Бесерра при помощи полиции был удален с заседания профсоюза металлургов³⁴. CROM могла праздновать победу: в Федеральном округе ей удалось практически избавиться от влияния коммунистов. Однако около десятка представителей РСМ на форуме Региональной конфедерации все-таки присутствовали. Одновременно мексиканская секция III Интернационала попыталась развернуть контркампанию под лозунгами: «CROM нужна кампания НЕ-исключений», «Долой раскольничество, да здравствует рабочее единство». CGT же коммунисты по-прежнему игнорировали, хотя в 1924 г. анархо-синдикалисты действовали весьма энергично и не раз организовывали выступления рабочих против федеральных властей.

Определенное влияние коммунистам удалось получить в Тампико — они установили контроль за рабочим движением в портовой зоне. На местном рабочем конгрессе с участием CROM, CGT и независимых профсоюзов было принято решение о реализации кампании по созданию единого фронта на местном уровне и вне зависимости от позиции общенационального руководства профцентров. Это отчасти было отражением влияния коммуниста Грегорио Туррубиатеса, возглавившего забастовку рабочих нефтяной компании «El Águila», несмотря на противодействие CROM завершившуюся частичным успехом. Позже вспыхнули забастовки на предприятиях нефтяной отрасли «La Corona», «Mexican Gulf», «La Huasteca», которые привели к участию федеральной армии в их разгоне и гибели нескольких стачечников. Объединившиеся рабочие попытались создать Единый профсоюз нефтяного региона, но не особо преуспели в этом. Практически сразу после забастовки на «La Huasteca», закончившийся в пользу рабочих, анархо-синдикалисты и коммунисты продолжили словесную войну, обвиняя друг друга в предательстве, оппортунизме и чрезмерном стремлении к политической деятельности в ущерб требованиям рабочих. В сентябре в Тампико начались еще две забастовки: CGT и близкие к ней профсоюзы организовали стачку на фабрике «Pierce Oil», в то время как коммунисты совместно с одним из местных рабочих объединений сумели парализовать работу на фабрике «Transcontinental». В этой обстановке крупные независимые профсоюзы, намеренные создать блок за пределами CGT и CROM и готовые в этом плане сотрудничать с губернатором Эмилио Портесом Хилем, предприняли еще одну попытку объединиться. Коммунисты были вынуждены отказаться от участия в проекте, противоречившем их концепции единого фронта. В самый разгар забастовочного движения местное левое и рабочее движение оставались расколотыми, никакого единого фронта не осталось и в помине. В то же время РСМ удалось несколько укрепить свои позиции среди рабочих и расширить сферы распространения партийной газеты, что могло стать заделом на будущее.

В независимых (автономных) рабочих объединениях в различных районах страны ситуация оказалась для коммунистов чуть лучше. Там они смогли опереться на ряд ячеек профсоюза железнодорожных плотников и на этой базе развернуть работу внутри железнодорожных профсоюзов, ис-

пользуя недовольство этого рабочего сектора действиями правительства во время забастовки 1925 г. Председатель Железнодорожного альянса Элиас Барриос вступил в компартию вместе с тремя другими активистами³⁵. Однако транспортный профсоюз был реструктурирован под давлением властей и отбивался от постоянных нападков со стороны CROM. В условиях ослабления железнодорожных профсоюзов коммунисты не могли всерьез претендовать на расширение влияния и были вынуждены сосредоточиться на пропагандистских усилиях, осуществлявшихся несколькими небольшими ячейками.

В Пуэбле активная поддержка коммунистами независимого профсоюза пекарей, конфликтовавшего с министром промышленности, торговли и труда Луисом Моронесом, принесла РСМ определенные дивиденды в виде влияния в данном объединении. Была также предпринята попытка инициировать новую Федерацию независимых профсоюзов³⁶. Внутри Конфедерации профсоюзных сообществ был создан «Комитет за рабочее объединение». Железнодорожники установили контакты с организациями металлургов Монтеррея, работниками сферы питания штата Мехико, крестьянскими союзами в Халапе и Сьюдад-Виктория, с Альянсом либертарианских объединений штата Халиско, с частью текстильщиков в Орисабе и Пуэбле (последние были связаны с CROM).

CROM, однако, вскоре нанесла контрудар. В январе 1927 г. часть прядильщиков с фабрики Рио-Бланко и Лос Серрос в г. Орисаба (состоявших в CROM) была изгнана с рабочих мест вооруженными участниками группы «Action» во главе с Эулалио Мартинесом³⁷. Дальнейшие «чистки» фабрик от коммунистических элементов были остановлены после вмешательства муниципальных властей и сенатора-коммуниста Луиса Х. Монсона, добившегося гарантий со стороны гарнизона федеральной армии³⁸. Отношения между CROM и коммунистами с этого момента неуклонно продолжали ухудшаться.

В феврале 1925 г. компартия попыталась наладить отношения с трамвайщиками Федерального округа. В момент забастовки одного из профсоюзов отрасли коммунисты обратились с призывом к бросившим работу транспортникам и их коллегам по профессии³⁹. Мексиканская секция Коминтерна, перечисляя «грехи» CROM, не раз срывавшей забастовки других профсоюзов, и обвиняя организаторов текущей стачки в попытке добиться подрыва влияния Синдикалистского союза (Unión Sindicalista) и остаться единственным представителем интересов рабочих отрасли, требовала продолжения забастовки, но распространения ее на всю отрасль. Коммунисты настаивали на объединении всех работников трамвайной компании, заявляя: «Требуется установление рабочего единства через головы лидеров». Помогать Синдикалистскому союзу, руководители которого наладили неплохие отношения с владельцами компании, РСМ не собиралась, ее интересовало иное — вовлечение трамвайщиков в независимый от компании профсоюз, который сотрудничал бы с коммунистами в деле формирования движения за единый фронт в рабочем движении. Попытки коммунистов сыграть роль в конфликте оказались безуспешными. После почти двух недель забастовки реформистская Конфедерация переиграла Синдикалистский союз. Это стало заметным ударом как по некримистским рабочим объединениям, так и по желанию компартии укрепить позиции среди профсоюзов.

Одновременно Москва в рамках политики единого фронта вновь попыталась наладить отношения с CROM. Осенью 1925 г. в СССР побывал делегат реформистского профцентра Э.Мартинес, ставший «рабочим атташе» при посольстве своей страны и выступивший 20 октября с докладом о мексиканском рабочем движении на заседании Исполнительного бюро Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерна). Руководитель Профинтерна Соломон Лозовский прямо заявил о желательности вхождения CROM в международное левое профобъединение. При этом он был настроен весьма оптимистично, ведь идея сотрудничества не являлась исключительно инициативой левых. Мартинес предпринял попытку установления отношений с Москвой по собственной инициативе, и ему же принадлежало авторство плана о поездке профинтерновских представителей на форум CROM. Лозовский красочно описывал кромистам и без того известную им картину: «несмотря на то, что CROM соединяет в своих рядах колоссальную [массу] лиц наемного труда, единства нет, так как налицо еще Всеобщая Конфедерация Труда и некоторое количество независимых союзов. <...> Широкие массы рабочих, разочарованные в результате расколов и предательств, держатся в стороне от профсоюзов»⁴⁰.

Резоны Лозовского были понятны: включение Региональной конфедерации в Профинтерн неизбежно повлекло бы за собой снижение остроты конфликта в рабочем движении и, соответственно, повышение шансов на установление единогофронтного альянса в Мексике. Глава Профинтерна подчеркнул готовность к слиянию Интернационалов и роспуска его организации, если она войдет на правах меньшинства в новый единый общемировой профцентр. Идея Лозовского не была, конечно, придумана специально для CROM, она отражала попытки объединения рабочего движения, предпринятые Англо-русским комитетом единства, созданным британскими тред-юнионами и ВЦСПС. В том случае, если бы CROM — одна из крупнейших профорганизаций мира, не примкнувшая еще ни к одному из интернационалов, — поддержала такую идею, проект обрел бы новое дыхание. Но реформисты в Мексике не могли, конечно, всерьез воспринимать эти планы, и к декабрю 1926 г. Профинтерну оставалось только «глубоко сожалеть» по поводу дезавуирования CROM заявлений Э.Мартинеса, сделанных в советской столице⁴¹. Дело было даже не в недоверии кромистов к позиции Москвы. CROM продолжала выстраивать политику альянса с правительством и не нуждалась в широкой интернационализации своих связей, сотрудничество со структурами исполнительной власти оказывалось для нее куда более значимым подспорьем в борьбе за интересы широких слоев наемных работников.

Преувеличивать значение коммунистов в рабочем движении Мексики было бы серьезной ошибкой. Им удалось завоевать определенные позиции среди части нефтяников и транспортников, а также среди рабочих небольших, по сути, ремесленных, мастерских. Среди металлургов и на крупных предприятиях большинства отраслей промышленности коммунисты влияния не имели. Активность парторганизаций большинства регионов была крайне низкой, что не позволяло развернуть работу в профсоюзах. Такое положение дел не давало коммунистам возможности всерьез говорить о едином фронте с CROM и CGT. Последние не видели ни малейших оснований делать уступки партии, имевшей микроскопическое влияние в рабочем движении. Это не очень беспокоило коммунистов, готовых выстраивать единый фронт «через головы» руководства об-

щенациональных профцентров⁴². Проблема была в ином: мексиканская секция не располагала необходимыми кадрами и не обладала достаточным весом, чтобы организовать подобный фронт «снизу».

Линия РСМ была пересмотрена уже в сентябре 1925 г. по требованию ИККИ, высказавшегося категорически против идеи создания третьего профцентра. РСМ до последнего пыталась воспротивиться данному подходу, опасаясь растворения коммунистов в рядах реформистского и анархистского профцентров, а то и вовсе исключения из рабочих объединений, даже из тех, которых сами коммунисты побудили вступить в CROM. Однако идея единого фронта как основы для формирования нового профцентра перестала быть популярной среди железнодорожников, а именно их организация была движущей силой данного проекта. С этого момента идею «третьего объединения» подхватили нефтяники Тампико. Но на IV съезде РСМ в 1926 г. мексиканские коммунисты уступили давлению Москвы и согласились на пересмотр профсоюзной тактики. Руководство Коминтерна гораздо раньше своей мексиканской секции осознало, что коммунисты за много месяцев не сумели привлечь на свою сторону и десятой части рабочего движения; говорить о создании еще одного профцентра означало работать на проект, обреченный на провал. Резолюция съезда четко очертила новую линию: «Вовлечение большего числа беспартийных в руководящий комитет единого фронта, меньше ругани в отношении реформистских и профсоюзных вождей и больше объективных дискуссий»⁴³. ИККИ признал позицию РСМ возвращением «на почву решений Коммунистического Интернационала».

Необходимо также учитывать важную деталь: независимые профсоюзы нередко были таковыми лишь применительно к более крупным общенациональным рабочим объединениям. Часто они находились под покровительством региональных властей и координировали с ними свою деятельность. Это неизбежно означало для коммунистов задачу выстраивания в той или иной форме отношений с губернаторами для проведения своей линии в профсоюзном движении.

Невзирая на сохраняющиеся серьезнейшие трения с общенациональным руководством и большинством местных лидеров CROM, компартия довольно продолжительное время продолжала вести работу внутри реформистских профсоюзов. Эта линия была ратифицирована V съездом РСМ и июльским пленумом ЦК мексиканской секции Коминтерна в 1927 г.: «CROM объединяет в своих рядах значительную часть революционных организаций республики. Работать над тем, чтобы завоевать на сторону революции эти рабочие массы, — вот одна из непосредственных задач Коммунистической партии»⁴⁴.

Даже несмотря на начавшиеся в CROM проблемы ввиду роста влияния обрегонистского крыла не заставили коммунистов радоваться возможному кризису организации. Вывод, сделанный ими, выглядел вполне взвешенным: разрушение кромистских профсоюзов стало бы ударом не только по политике лабористов, но и по всему рабочему движению. РСМ подтвердила линию на призыв к сотрудничеству «революционной части» Региональной конфедерации в рамках единого фронта. Свидетельства новых успехов этой политики коммунисты увидели в объединительных конгрессах, состоявшихся в отдельных муниципиях штатов Халиско, Нуэво Леон и Коауила, в которых приняли участие как независимые профсоюзы, так и часть чле-

нов CROM. Серьезных иллюзий у ЦК РСМ по данному поводу, однако, не было, он признал необходимость предварительно превратить движение за единый фронт «в настоящее движение», освободив его от влияния губернаторов и политических деятелей. При этом мексиканская секция Коминтерна рассматривала такой фронт как альянс рабочих и крестьянских организаций, что неудивительно ввиду расширения сферы влияния коммунистов в сельской местности. Единый фронт не означал борьбу за выход из профцентров, а рассматривался в качестве способа борьбы за ряд насущных требований на базе пакта солидарности, реализации внутрипрофсоюзных демократических норм, кампании за передачу полномочий министерства промышленности решать конфликты в ряде отраслей Федеральной хунте арбитража.

Путь мексиканских коммунистов к созданию единого фронта оказался тернистым, а успеха не позволяли достичь как неготовность партнеров, так и большое количество ошибок и иллюзий. Только к концу десятилетия — благодаря ставке на альянс с крестьянскими лигами — РСМ сумела заложить основы Рабоче-крестьянского блока — реального конкурента CROM. Этот блок открыл совершенно новую страницу в истории левого движения страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ История Коммунистического Интернационала 1919-1943. М., Наука, 2002, с. 36 [Istoriia Kommunisticheskogo Internatsionala 1919-1943. [The History of the Communist International 1919-1943] Moscow, Nauka, 2002, p. 36.

² В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб.: Клио, 2002 [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Stanislav Pestkovsky. Tovarisch Andrei. Dvoynoi portret v meksikanskom interiere] [A double portrait in the Mexican reality] St-Petersburg, Clio, 2002.

³ E.Concheiro, M.Modonesi, H.Crespo (coordinadores). El Comunismo: otras miradas desde América Latina. México, UNAM, 2007, p. 536.

⁴ Л.С.Хейфец. Латинская Америка в орбите Коминтерна. М.: ИЛА РАН, ИВИ РАН, 2001 [L.S.Jeifets. Latinskaya Amerika v orbite Kominterna. M.: ILA RAN, IVI RAN, 2001 [Latin America in the orbit of the Comintern] Moscow, ILA RAN, IVI RAN, 2001.

⁵ L.Jeifets, V.Jeifets. América Latina en la Internacional Comunista. 1919-1943. El diccionario biográfico. Santiago, Ariadna, 2015.

⁶ Informe del Agente de la 1/a. Núm. 8 al Jefe del Departamento Confidencial de la Segob, 20.V. 1925. — Archivo General de la Nación (AGN). DIPS. Vol. 34. Exp. 3. F. 3.

⁷ Dehesa a J.C.Valadés, 19.IX.1922. — Archivo de José C. Valadés; El Frente Unico. 7.IX 1922.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 108. Д. 32. Л. 21. [Russian State Archive of Social and Political History]

⁹ M.Díaz Ramírez a Stirner, 17.IX.1923. — Centro de Estudios del Movimiento Obrero y Socialista (CEMOS). Colección PCM. Caja 2. Exp. 4.1.

¹⁰ V.Jeifets, I.Reynoso Jaime. Del Frente Único a clase contra clase: comunistas y agraristas en el México posrevolucionario, 1919-1930. — Revista Izquierdas, 2014, N19, p. 15-40.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 61. Л. 72-80.

¹² Ibid., Л. 84.

¹³ В.Л.Хейфец. От альянса до разрыва. — Латинская Америка, 2003, № 3, С. 36-52 [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Ot aliansa do razryva] [Between alliance and rupture]. Latinskaya Amerika, 2003, № 3, p. 36-52.

¹⁴ Strategy of the Communists: A Letter from the Communist International to the Mexican Communist Party. Chicago, Workers Party, 1923.

¹⁵ F.Barbosa. La CROM, de Luis N. Morones a Antonio J. Hernández. Puebla, 1980, p. 375-376.

¹⁶ Daily Worker. 21.I 1924.

- ¹⁷ Partido Comunista de México. III Congreso. Programa y acuerdos. México, 1925, p. 96.
- ¹⁸ B. D. Wolfe. A Life in Two Centuries. N.Y., 1981, p. 303.
- ¹⁹ В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1918-1929 гг. Том 1. СПб: ГУАП – ИЛА РАН, 2012. [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Formirovaniye i razvitie latinoamerikanskogo levogo dvizheniya v 1918-1929 gg.] [Formation and Development of the Latin American Left-Wing Movement in 1918-1929]. Vol. 1. St-Petersburg, GUAP-ILA RAN, 2012.
- ²⁰ The Daily Worker. 12.II.1924.
- ²¹ B. D. Wolfe. Take the road to the left. – Liberator. IV.1924.
- ²² Hacia el gobierno obrero y campesino. Manifiesto del PCM. — CEMOS. Colección PCM. Caja 2. Folio 3.
- ²³ P. I. Taibo II. Los Bolcheviquis. México, J.Palos Editores, 1986, p. 377.
- ²⁴ Conferencia del Partido Comunista de México. — CEMOS. Colección PCM. Caja 2. Folio 4.
- ²⁵ El Demócrata, 18.IV.1924.
- ²⁶ El Machete, 2a. quincena de junio de 1924.
- ²⁷ Ibid. 4-11.XII.1924.
- ²⁸ M. Gómez. The evolution of sr. Calles. — Workers' Monthly. IV.1925.
- ²⁹ А.С.Андреев. Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта. Клио, 2014, № 12 (96), с. 24-29. [A.S.Andreev. Kommunisticheskaya partiya Uruguaya i Komintern: problem formirovaniya edinogo fronta] [The Communist Party of Uruguay and the problems of formation of an united front], Clío, 2014, №12 (96), p. 24-29.
- ³⁰ El Machete, 20-27.XI.1924.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 51. Л. 19.
- ³² El Machete, 15-22.I.1925.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 51. Л. 20.
- ³⁴ El Machete, 5-12.III.1925.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 75. Л. 7.
- ³⁶ Ibid., Д. 51. Л. 38.
- ³⁷ Ibid., Д. 63. Л. 4.
- ³⁸ Ibid., Л. 5 об.
- ³⁹ Ibid., Д. 49. Л. 10.
- ⁴⁰ Ibid., Ф. 534. Оп. 6. Д. 105. Л. 36.
- ⁴¹ Ibid., Л. 75.
- ⁴² Ibid., Ф. 495. Оп. 108, Д. 51. Л. 40.
- ⁴³ Ibid., Д. 61. Л. 33.
- ⁴⁴ Ibid., Д. 73. Л. 6.

Victor L. Jeifets (jeifets@gmail.com)

Dr. Sc., Professor of the RAS. Professor at the Saint-Petersburg State University and at the Saint-Petersburg University of Aerospace Instrumentation

Mexican Communist Party in search of United front in the 1920s.

Abstract: In the present article – on the basis of a large number of archival documents and materials of media – some attempts of the Communist Party of Mexico to build a united front in the left-wing movement (in the first part of the decade of the 1920-s) are analyzed. The author shows inconsistency of an attitude of communists and reveals both external (the influence of Comintern), and internal factors which have caused evolution of Communist approaches to an United front and shifts of the attitude of the Communist Party toward the national government.

Key words: Mexico, Comintern, United Front, CROM, Communist Party